

Главная европейская книга странствий из античных, конечно, «Энеида» Вергилия, где герой движется вслед за античной гомеровской «Одиссеей», чтобы найти себя и создать новое государство, устроить новую жизнь, — то есть это путешествие с чётко и заранее определённой целью. В России, разумеется, не Вергилий, а Гомер, и не «Одиссея», которую перевели гораздо позже и гораздо проще, а страшно сложная «Илиада». Ведь она про то, как всё вращается вокруг города, и этот образ пути по кругу проходит насквозь даже в таких, казалось бы, далёких от «Илиады» текстах, как «Высокая болезнь» Бориса Пастернака:

*Мелькает движущийся ребус,
Идёт осада, идут дни,
Проходят месяцы и лета.
В один прекрасный день пикеты,
Сбиваясь с ног от беготни,
Приносят весть: сдаётся крепость.
Не верят, верят, жгут огни,
Взрывают своды, ищут входа,
Выходят, входят, — идут дни,
Проходят месяцы и годы.
Проходят годы, — всё — в тени.
Рождается троянский эпос.
Не верят, верят, жгут огни,
Нетерпеливо ждут развода,
Слабеют, слепнут, — идут дни,
И в крепости крошаются своды.*

Движение времени вокруг одного неподвижного пространства — очень важная вещь, которая также связана с темой, о которой мы говорим.

Ещё один структурообразующий текст — «Путешествие в Европу» Карамзина. Тут очень важен фон. Это 1791-й, и за год до выхода книжки разразился чудовищный скандал с другим путешествием — «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева.

Радищев путешествует в символическом пространстве, понимая, куда, зачем и что хочет сказать. Он движется из новой географической и geopolитической столицы в столицу древнюю, культурную, но выпавшую из политического пространства. Ему полагалась за это смертная казнь, заменённая ссылкой.

И вот Карамзин спустя год выпускает своё путешествие. Совершенно очевидно, что автор опасается болезненной реакции власти, тем более если мы вспомним, что он путешествует в Женеву. Как игумен Даниил не знал, что он находится в начале жанра путешествий в русской литературе, так и Карамзин не знал, что он поехал в Швейцарию. Он ехал в Женеву, которая тогда была отдельным государством, но самое существенное — и про это есть довольно подробная гипотеза, высказанная Юрием Михайловичем Лотманом, — ехал-то он в страну, соседнюю с Францией, а во Франции в это время происходила революция. Сладкие мирные пасторальные пейзажи, за которыми, как за

декорациями, скрыта буря. Это тот самый, среди прочего, ужас истории, предыстории которого мы видим в других путешествиях; как в писаниях протопопа Аввакума — это ведь не только рассказ о противостоянии царскому, неправильному, изменившему христианскому призванию режиму, но это и путешествие: «и мы ещё побредём, Марковна, до самыя смерти».

Но тут наступает эра новой русской классической литературы, дело которой покоится на новом человеке — лишенном человеке, маленьком человеке — и общем страдании. Можно сказать, что в русской классической литературе страдают герой, автор и читатель, и это даёт нам общее страдание. Путешествия — это поиск чего-то, часто ведущий к страданиям, а страдание — вещь важная: оно очищает, освобождает.

Первоначально, конечно, образ дороги в русской классической литературе связан с тройкой, бричкой, тарантасом, с занесёнными путями. Потом это всё очень быстро уйдёт, придёт железная дорога и заместит собой почти все другие виды пути, но несколько слов скажем о периоде предшествующем.

Когда-то выдающийся литераторовед Михаил Леонович Гаспаров написал свою искусствоведческую работу о четырёхстопном ямбе в русской литературе и о том тематическом ореоле, который возникает вокруг этого размера. Казалось бы, при чём тут путешествия и дорога? У Пушкина, как он показал, все стихи о дороге, кроме путешествия Онегина, были написаны четырёхстопным ямбом.

У Пушкина есть два текста с одним и тем же сюжетным ходом: герои едут куда-то, по дороге метель-буран, и это меняет судьбу персонажей. Про «Метель» сейчас говорить не будем, давайте про «Капитансскую дочку». Ведь это очень интересно: дорога опять от чего-то к чему-то. Путь — это всегда от чего-то к чему-то, верно? Либо это кольцеобразное движение из ниоткуда в никуда; либо это путь по прямой/кривой, но к какой-то цели, которая то ли будет достигнута, то ли нет, но она останется. У Пушкина, если вы внимательно читаете «Капитансскую дочку», всё пространство поделено на две части и никаких промежутков нет. Это либо дворянская осень, либо крестьянская зима. Если герой — дворянин, живущий в дворянском мире, то матушка будет варить варенье, генерал будет подвязывать соломкою яблони у корней, чтобы спасти их от дыхания зимы, если 40 вёрст от Белогорской крепости до Оренбурга, в Оренбурге царит осень — и в это самое время в Белогорской крепости метель, снежный наст. Почему? Потому что эти два мира как осень и зима — увядаящая прекрасная судьба дворянства и леденящая, восходящая, ужасающая зима, связанная с бунтом крестьянства. Дорога героя лежит между осенью и зимой. Вопрос только, куда он движется. Пугачёва он встречает в осени, мгновенно перешедшей в зиму, потому что Пугачёв не может явиться из осенней природы — только из снега, бури, бурана. Дальше Петруша без конца перемещается между пугачёвским и дворянским миром — постоянно из зимы в осень и обратно. Кроме одного маленького эпизода.